

О. Е. Алтеев (Москва)

Н. Н. ОБРУЧЕВ И ПЛАНИРОВАНИЕ ВОЙНЫ С ЕВРОПЕЙСКОЙ КОАЛИЦИЕЙ В 1878 ГОДУ

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 гг. стала для России попыткой радикального решения Восточного вопроса. Важную роль в подготовке и ведении военных действий сыграл генерал-лейтенант Генерального штаба Николай Николаевич Обручев (1830—1904). Вместе с тем, его деятельность на завершающем этапе Восточного кризиса (январь—июнь 1878 г.), поставившего Россию на грань новой войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции, остается практически неизученной. Так, известный современный историк О. Р. Айрапетов в первой и до сих пор единственной научной биографии Н. Н. Обручева детально проанализировал вклад генерала в планирование Освободительной войны и убедительно продемонстрировал его заслуги в выработке замысла перехода Балкан русской армией в декабре 1877 г.¹ Но деятельность Н. Н. Обручева в первой половине 1878 г. он рассмотрел только применительно к роли своего героя в грядущем конфликте — он должен был возглавить предполагавшейся к формированию штаб Юго-Западной армии².

Заслуженно прозванный современниками «русским Мольтке», Николай Николаевич Обручев считался самым авторитетным стратегом Российской империи последней четверти XIX в. В 1867—1881 гг. Н. Н. Обручев занимал пост управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба, принимал деятельное участие в проведении военных реформ 1860—70-х гг. Н. Н. Обручев являлся создателем системы государственной обороны, направленной на противодействие главным потенциальным противникам в Европе — Германии и Австро-Венгрии.

В начале 1873 г. он разработал обширную стратегическую записку «Соображения об обороне России»³, основные положения которой были рассмотрены и приняты к руководству в ходе секретного совещания (28 февраля — 31 марта 1873 г.) под личным председательством Александра II. Этот документ стал прочным фундаментом военного строительства Российской империи в последней четверти XIX в.⁴ В 1881 г. Н. Н. Обручев возглавит Главный штаб и будет руководить выработкой всех важнейших военно-стратегических решений в государстве вплоть до своей отставки в последний день 1897 г.

Во время Восточного кризиса 1875—1878 гг. Н. Н. Обручеву пришлось решать многочисленные задачи в сфере стратегического планирования. Он был автором плана войны с Турцией, впрочем, искаженного и сорванного командованием действующей армии, а также вдохновителем разгрома главных сил турок в Закавказье, в Авлияр-Аладжинском сражении 20 сентября — 3 октября 1877 г. В рассматриваемый период генерал приобрел значительное влияние в выработке важнейших решений военного и внешнеполитического характера на Д. А. Милютину и опосредованно через него — на Александра II.

В январе—феврале 1878 г. русская армия победоносно завершила кампанию на Балканах, нанеся поражение турецким войскам, и вплотную подошла к столице Османской империи — Константинополю. Вмешательство западных держав в мирный процесс на Балканах поставило Россию перед лицом новой войны, уже с коалицией враждебных государств, в которую, кроме Турции, входили Великобритания и Австро-Венгрия.

Необходимость определить дальнейшие задачи действующей армии стала очевидной для ее командования после битвы при Филиппополе 3—5 января 1878 г., в которой западный отряд генерал-лейтенанта И. В. Гурко нанес поражение армии Сулеймана-паши. После этой победы военный разгром Турции стал очевидным, а путь на Константинополь был открыт. 7 января 1878 г. в русскую штаб-квартиру в Казанлыке прибыли турецкие уполномоченные с первыми предложениями о перемирии, а 8 января русские войска взяли Адрианополь. В ночь на 10 января главнокомандующий действующей армии, генерал-адъютант, инженер-генерал, великий князь Николай Николаевич направил Александру II телеграмму, в которой запросил дальнейшие инструкции на случай приближения

русских войск к Константинополю или вмешательства в войну Великобритании⁵. В январе и первой половине февраля 1878 г. великий князь и его штаб буквально горели идеей захвата беззащитного Константинополя, в то время как император и министр иностранных дел, канцлер, светлейший князь А. М. Горчаков, опасаясь международных осложнений, были против этого решительного шага. В ответ на телеграмму от 10 января Александр II направил 12 января великому князю телеграмму, в которой допускал ввод войск в Константинополь только в случае, если бы такая просьба исходила от самих турок или представителей иностранных держав⁶.

К моменту заключения перемирия (19 января 1878 г.) русские войска растянулись от Адрианополя до Чорлу. Перед заключением мира в Сан-Стефано (19 февраля 1878 г.) авангард под командованием генерал-лейтенанта М. Д. Скобелева занял позиции под Чаталджой, а на следующий день начал движение к пригородам Константинополя, где и остановился. К нему подтянулась гвардия И. В. Гурко. Несмотря на колебания верховной власти и на заключенное перемирие, великий князь начал деятельную подготовку к взятию города. Но император продолжал сомневаться в целесообразности столь смелого шага и пребывал в нерешительности.

Перемирие и принятие предварительных «оснований мира», а затем и подписание мирного договора вызвали предсказуемую враждебную реакцию Великобритании и Австро-Венгрии, увидевших угрозу своим интересам в регионе и потребовавших вынесения всех спорных вопросов на решение «великих держав». 1 февраля Великобритания ввела в Мраморное море свои корабли. В таких условиях Александр II окончательно пересмотрел свои взгляды на проблему взятия Константинополя и стал решительно требовать от главнокомандующего — готовиться к штурму. Великий князь Николай Николаевич, наоборот, начал сомневаться в успехе этого мероприятия⁷. Действительно, силы турок в столице и на подступах к ней стали возрастать за счет войск, уходящих из дунайских крепостей. Если, по состоянию на 25 января, русская разведка считала, что под Константинополем османы имели 91 сильно ослабленный табор (батальон. — О. А.), а в самом городе — 22 (в среднем по 300—500 человек в таборе, всего около 43 тыс. деморализованных солдат)⁸, то в начале марта численность войск в окрестностях города оценивалась

в 77—80 таборов, но более полного состава⁹. Русское командование в феврале и в начале марта ожидало встретить здесь сопротивление 80—100 тысяч солдат и офицеров противника¹⁰. После заключения мира турки стали укреплять подступы к Константинополю.

Под влиянием изменившейся военно-политической обстановки русское командование начало готовиться к полномасштабной войне с европейской коалицией. Главным штабом был разработан план развертывания на этот случай, утвержденный 24 февраля Александром II¹¹. 27 февраля Д. А. Милютин направил великому князю письмо, в котором изложил этот план¹², а также приложенные к нему «Общие соображения о распределении сил»¹³. В их основу легла записка, принадлежащая перу генерал-лейтенанта Н. Н. Обручева и подготовленная в конце января — начале февраля, скорее всего, — до 6 февраля¹⁴. В ней генерал произвел детальный анализ внешнеполитической ситуации, в которой оказалась Россия в начале 1878 г., и предложил планы применения сухопутных вооруженных сил на случай войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции. Сложившаяся обстановка на Балканах представлялась генералу исключительно сложной. Для успешного ведения военных действий против враждебной коалиции он считал жизненно необходимым захватить Босфор, с Константинополем или без него, сохранить на своей стороне Румынию и заручиться нейтралитетом Германии: «Таким образом, с одной стороны владение Босфором, с другой — союз с Румынией и нейтралитет Германии определяют заранее главнейшие шансы войны. Удастся нам запереть Черное море и сохранить за собой союз Румынии — вероятность исхода войны будет представляться для нас благоприятной; не удастся — мы попадем в неисчислимые затруднения, особенно если мы не зайдем своевременно своими войсками Виддина и главных опорных пунктов на Среднем и Нижнем Дунае (в районе Рущука и Галаца)»¹⁵.

В записке генерал предположил два варианта развития событий: 1) война против Великобритании и Турции; 2) война против Великобритании, Австро-Венгрии и Турции. В первом случае он склонялся к продолжению ведения активных действий на Балканах, очищению полуострова от турецких войск до линии Битоль—Салоники и захвату Босфора, для чего требовалось усилить действующую армию до 27 пехотных дивизий. На Кавказе предполагалось ограничиться оборонительными действиями.

По второму, наиболее тяжелому сценарию, Н. Н. Обручев предлагал изъять из действующей армии 7 дивизий и направить их на формирование Нижнедунайской армии в Молдавии — в составе 13 дивизий. Она должна была обезопасить от возможного удара австрийцев сообщения действующей армии с Россией и ее тылы. В Царстве Польском и в Подолии планировалось развернуть Галицийскую (15 пехотных дивизий) и Волынскую (6 дивизий) армии. На группу из трех армий возлагалась задача разгромить австрийцев в Галиции, вторгнуться на Венгерскую равнину и в Трансильванию, а затем вести концентрическое наступление на Будапешт. Против Австро-Венгрии выставлялись 34 пехотные дивизии, что значительно превосходило предполагаемые силы двуединой монархии в Галиции — в русском Главном штабе абсолютно точно установили, что противник может развернуть здесь только 24 пехотные дивизии¹⁶. Для достижения численного превосходства над вражеской коалицией Н. Н. Обручев предполагал перебросить часть сил с Кавказа и сформировать 9 резервных дивизий. На серьезно ослабленную группировку на Балканах (17 дивизий на театре военных действий и 3 дивизии в Валахии) возлагалась преимущественно оборонительная задача (ил. 1).

Необходимо отметить, что в это время русское военное руководство и лично Н. Н. Обручев недооценивали значение подготовки к боевым действиям против Великобритании на второстепенных театрах, таких, например, как Центральная Азия. Сам автор отмечал в записке: «Помимо Босфора мы можем действовать на решения Англии раздачей каперских свидетельств и демонстрациями в Средней Азии. Но оба эти средства только паллиативы, самая организация коих представляет еще много проблематичного»¹⁷.

Судя по собственноручным пометам Александра II, записка Н. Н. Обручева была одобрена императором и принята к руководству при составлении последующих директивных документов. Дальнейшие работы по планированию применения русских войск, в случае возникновения конфликта с враждебной коалицией также проходили при непосредственном участии генерала. При разработке новых планов были допущены некоторые отступления от первоначальных предположений Н. Н. Обручева. В плане от 24–27 февраля действующая армия, обозначенная в документах как «Южная», ослаблялась незначительно — только

Ил. 1. План развёртывания по записке Н. Н. Обручева (январь—февраль 1878 г.)

до 21 дивизии, а не до 17¹⁸. Вместо Нижнедунайской и Волынской армий формировалась одна Юго-Западная армия в составе 11 пехотных дивизий. В Западную армию в Царстве Польском назначались 14 дивизий. На эти армии по-прежнему возлагалась задача

вторжения в Австро-Венгрию. План действий Западной армии был детально разработан штабом Варшавского военного округа в феврале и представлен в записке от 19 марта командующего войсками округа, генерала от инфантерии, графа П. Е. Коцебу¹⁹. Он предполагал нанесение главного удара из района Люблина с целью захвата всей Восточной Галиции.

В соответствии с запиской Н. Н. Обручева, с целью создания превосходства над силами вероятных противников Мобилизационный комитет Главного штаба начал формирование резервных пехотных дивизий в дополнение к 48 кадровым, имевшимся в русской армии. В 1877 г. уже были развернуты 4 такие дивизии. С 19 января и по 23 марта 1878 г. шло формирование 14 новых резервных дивизий, 8 из которых, к моменту заключения Берлинского трактата, были полностью готовы²⁰. Военное министерство в ожидании столкновения с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции также начало подготовку мобилизационного развертывания вооруженных сил. Проведение новой мобилизации не представляло затруднений: к началу 1878 г. большая часть сухопутных войск России уже была мобилизована — на мирном положении оставались только 12 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Для доведения их до штатов военного времени требовалось 205 тыс. человек, что обеспечивалось наличием имевшегося запаса²¹. Всего в армии насчитывалось свыше 1,5 млн человек.

Несмотря на активную подготовку к приведению планов Н. Н. Обручева в действие, им не суждено было осуществиться. В марте 1878 г. военно-политическая обстановка изменилась в худшую для России сторону. В Великобритании ушел в отставку министр иностранных дел, граф Э. Дерби, сторонник компромисса с Петербургом. Первым шагом маркиза Р. Солсбери, заменившего его, стала рассылка ноты дипломатическим представителям Соединенного Королевства, содержащей протест против результатов Сан-Стефанского мира, и твердое намерение добиваться его пересмотра. В Великобритании начались мобилизационные мероприятия. Русская разведка стала получать тревожные донесения о перевозке войск из Индии и сосредоточении их на Мальте. Руководство Российской империи серьезно переоценивало мощь и мобилизационные ресурсы британской армии, считая, что Туманный Альбион сможет выставить от 100 до 250 и даже до 300 тыс. человек.²² В действительности, в британских

военных кругах вполне отчетливо осознавали невозможность вести широкомасштабную войну с Россией на сухопутных театрах: по разработанным в Лондоне планам требовалось послать на Балканы экспедиционные силы в 150 тыс. человек, тогда как вся армия королевы Виктории насчитывала только 134 тыс.²³ Это вынуждало Сент-Джеймский кабинет искать поддержку со стороны монархии Габсбургов, обладавшей большой сухопутной армией.

Из Австро-Венгрии и Османской империи также поступали тревожные новости. Миссия графа Н. П. Игнатьева в Вену — с целью расколоть англо-австрийский союз, не принесла ожидаемых результатов. 14 и 15 марта состоялись личные беседы Николая Николаевича с султаном Абдул-Хамидом II, в ходе которых рассеялись иллюзии великого князя относительно нейтралитета Османской империи в случае новой войны²⁴. Одновременно турецкие войска продолжали восстанавливать свою боеспособность — в апреле считалось, что османы располагали на подступах к Константинополю и в самом городе примерно 300 таборами, всего 150 тыс. человек (по 500 человек в таборе)²⁵. Это уже превышало силы действующей армии под Константинополем, насчитывавшей здесь около 110 тыс. человек²⁶. Возникший дипломатический конфликт с Румынией вынудил начать в марте стягивание корпуса к Рущуку XI корпуса, а затем его перевод на левый берег Дуная.

Перед лицом войны с коалицией Александр II и его советники еще более настоятельно требовали от великого князя Николая Николаевича готовиться к взятию Босфора. 6 марта император запросил от главнокомандующего детальный план занятия Босфора, который тот предоставил в Петербург 9 марта²⁷. План был утвержден 18 марта²⁸. За день до этого Д. А. Милютин направил Николаю Николаевичу телеграмму, согласно которой ему надлежало вытребовать необходимое количество орудий для береговых батарей у начальника Главного артиллерийского управления, генерала от артиллерии А. А. Баранцова²⁹.

Великий князь, боясь конфликта с венценосным братом, намеренно не сообщал ему истинное положение дел на Балканах, из-за чего в Петербурге неверно оценивали складывающуюся обстановку³⁰. Спасать положение был призван победитель Осман-паши — инженер-генерал Э. И. Тотлебен, которому было поручено разработать собственный план занятия Босфора. В конце марта он представил свои соображения, согласно которым

предполагалось захватить участок западного берега Босфора от Буюк-Дере до Черного моря, поставить в проливе минные заграждения и перевезти сюда 50 мортир для береговых батарей³¹. 20 марта записка Тотлебена была препровождена в штаб действующей армии для исполнения³².

Нерешительность Николая Николаевича в вопросе захвата Босфора привела к его отставке с поста главнокомандующего. 21 марта он направил Александру II донесение, в котором впервые решился объективно обрисовать тяжелую ситуацию под Константинополем³³. Чуть позже, 1 апреля, в Петербург прибыл из штаба действующей армии генерал-лейтенант, князь А. К. Имеретинский, доклад которого на следующий день окончательно открыл глаза на сложившуюся на Балканах обстановку³⁴ императору и его советникам. В тот же день Александр II принял решение заменить своего брата на Э. И. Тотлебена в качестве главнокомандующего действующей армией. Он вступил в должность 17 апреля³⁵.

В связи с изменившейся обстановкой, военное руководство империи в конце марта вновь переработало стратегический план войны, предложенный Н. Н. Обручевым. 27 марта в Петербурге состоялось совещание под председательством Александра II, посвященное его обсуждению³⁶. По итогам совещания была разработана «Объяснительная записка к распределению войск на случай войны с Англией и Австрией» с боевым расписанием, утвержденная 30 марта³⁷. Главной задачей русских войск по-прежнему называлось занятие Босфора, хотя в ходе совещания возможность штурма турецких позиций была поставлена под сомнение. Д. А. Милютин записал в дневнике под этой датой: «Вследствие полученных от великого князя Николая Николаевича письменных объяснений настоящего положения дел, государь заметно изменил свой взгляд на занятие Босфора; он видит, что задача эта не легкая, что приведение в исполнение тех требований, которые государь много раз выражал относительно скорейшего занятия берега Босфора, повело бы неминуемо к разрыву с Англией, а может быть и с Турцией»³⁸.

В отличие от февральского плана, русское командование вынуждено было отказаться от нанесения главного удара по Австро-Венгрии с территории Варшавского военного округа, как на том настаивал Н. Н. Обручев, из-за чего Западная армия ослаблялась до 9 пехотных дивизий. Главный удар предполагалось нанести

в Буковине и Трансильвании Юго-Западной армией, разделявшейся на три отряда — Галацкий, Ясский и Каменец-Подольский. Всего в армию входили 19 пехотных дивизий.

В связи с неутешительными новостями из штаба действующей армии военно-политическому руководству Российской империи в апреле пришлось окончательно отказаться от замыслов занятия Босфора. Прибывший под Константинополь Э. И. Тотлебен также признал невозможным активные действия против столицы османов, о чем доложил 27 апреля³⁹ Александру II.

Невозможность вести подготовку к наступательным действиям на Босфоре вынудило военно-политическое руководство России обратиться к поиску альтернативных способов борьбы с Великобританией — того самого «паллиатива», который еще в феврале не воспринимался самим Н. Н. Обручевым всерьез. 4 и 8 апреля в Петербурге состоялись совещания по вопросу подготовки к выступлению в Центральной Азии, по итогам которых было решено начать подготовку к сосредоточению войск Туркестанского военного округа с целью создать угрозу Британской Индии, выдвинуть отряд из войск Кавказского военного округа от Красноводска, на восточном берегу Каспийского моря⁴⁰, на Мерв и попытаться дипломатическим путем склонить на свою сторону афганского эмира Шир-Али⁴¹. 13 апреля Д. А. Милютин отдал соответствующие распоряжения командующему войсками Туркестанского округа инженер-генералу К. П. фон Кауфману⁴². Результатом деятельности Военного министерства и туркестанских властей стало сосредоточение 12,5-тысячного отряда возле кишлака Джам — на северной границе с Бухарой, где он и пробыл до июля 1878 г., играя роль своеобразного «жупела» для англичан. Русское командование прекрасно осознавало сложность организации похода и снабжения крупных масс войск на территории, не имевшей необходимых транспортных коммуникаций, поэтому с самого начала Джамский поход рассматривался как блеф или, скорее, как жест отчаяния. Действия русского отряда в Закаспийском крае не принесли желаемых результатов, а привели только к активизации набегов туркмен-текинцев на Чекишляр и Красноводск⁴³. Громким провалом обернулась для Петербурга и Ташкента дипломатическая миссия в Кабул генерал-майора Н. Г. Столетова, спровоцировавшая Вторую англо-афганскую войну 1878—1880 гг., в результате которой Афганистан фактически превратился в британский

протекторат и на 40 лет полностью выпал из сферы русской внешней политики⁴⁴.

Одновременно военно-политическое руководство империи начало готовиться к действиям на британских морских коммуникациях, приведя в готовность три крейсера и купив в США еще четыре быстроходных парохода⁴⁵. Кроме подготовки к выступлению в Центральной Азии и на морских театрах, еще в конце марта были сделаны распоряжения по сосредоточению немногочисленных войск Восточно-Сибирского военного округа к Владивостоку и организации его обороны от возможного десанта британцев⁴⁶.

Несмотря на все подготовительные мероприятия, военно-политическое руководство России ясно понимало бесперспективность решения восточного вопроса и, по большому счету, делало «хорошую мину при плохой игре». 1 (13) июня начался Берлинский конгресс, завершившийся 1 (13) июля. 15 июля последовало высочайшее повеление об отмене всех приготовлений на случай войны с европейской коалицией⁴⁷. Угроза нового вооруженного конфликта миновала.

Подготовка Российской империи к войне с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Османской империи в 1878 г. обнаружила многочисленные негативные стороны, присущие деятельности русского военного ведомства и его Генерального штаба. Нерешительные результаты Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. во многом являлись следствием колебаний военно-политического руководства вокруг ключевого пункта планов Н. Н. Обручева — занятия Босфора. Неготовность вооруженных сил России к их выполнению привела в конечном итоге к дипломатической капитуляции в Берлине.

Несмотря на то, что план войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Османской империи, разработанный Н. Н. Обручевым, не был реализован, военно-политическое руководство Российской империи сумело вынести ряд важных уроков из финальной фазы восточного кризиса. Идеи, изложенные генералом в записке января–февраля 1878 г., во многом были реализованы в его военно-стратегических планах 1880–1890-х гг. Основываясь, в том числе и на неудачном опыте подготовки несостоявшейся войны на Балканах, он разработал в 1880, 1883, 1887 и 1890 гг. четыре плана развертывания вооруженных сил России в случае войны на западной границе⁴⁸. Последний

план войны с небольшими изменениями, внесенными в 1893 и 1897 гг., действовал вплоть до Русско-японской войны 1904—1905 гг. Краеугольными камнями этих планов стали наступление против Австро-Венгрии в Галиции и овладение Босфором⁴⁹. Систематическая подготовка к так называемой Босфорской экспедиции велась как в Главном штабе, так и в штабе Одесского военного округа и была одним из приоритетных проектов генерала.

Влияние идей, изложенных в публикуемой записке Обручева, обнаруживается и в активизации Центральноазиатской экспансии России. Именно провал Джамской экспедиции показал русскому командованию необходимость искать плацдарм для будущих действий против Великобритании и ее богатейшей колонии — Индии, что привело к Ахал-Текинским походам 1879 г. и 1880—1881 гг. и присоединению Мервского оазиса в 1884 г. Новые территориальные приобретения позволяли иметь удобные районы сосредоточения для армии вторжения в Индию. Это дало возможность России во время Пендинского кризиса 1885 г. вести диалог с Великобританией уже совсем с иных позиций.

¹ Ссылки приводятся на второе издание книги: Айрапетов О. Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830—1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017. С. 190—216, 236—239.

² Там же. С. 245—256.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 402. Оп. 2/926 (1873). Д. 100. Л. 74—101. Дополнения и приложения к записке: Там же. Л. 102—110 об., 112—118, 126—145 об.

⁴ Подробнее см.: Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952. С. 293—303; Persson G. Learning from Foreign Wars. Russian Military Thinking 1859—73. Solihull. 2010. P. 107—144; Rich D. A. The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge (Massachusetts). London, 1998. P. 94—101.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 29/30. Л. 44 об.; Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877—78 гг. на Балканском полуострове. Вып. VI. Документы из секретных бумаг г[енерал]-ад[ъютанта] Милютина. СПб., 1911. С. 242—243.

⁶ Особое прибавление... Вып. VI. С. 249. Написанный рукой А. М. Горчакова подлинный проект телеграммы, составленный им совместно с Д. А. Милютиным, см: АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 29/30. Л. 46—48.

⁷ Газенкамф М. [А.]. Мой дневник 1877—1878 гг.: изд. испр. и доп. СПб., 1908. 1-я паг. С. 438.

⁸ Сборник материалов... Вып. 12. Числительность русских и турецких войск в течение кампании. СПб., 1899. С. 146.

⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 3. Л. 361 об.

- ¹⁰ Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. IX. Ч. 1. Действия с 1 января 1878 г. до окончания войны. Действия в тыловых районах театра войны. СПб., 1913. С. 483.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 16–16 об., 33–34 об.
- ¹² Там же. Оп. 16. Д. 7447. Л. 1–5 об.
- ¹³ Там же. Л. 6–7 об.
- ¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 31. Л. 17–28, 35–39.
- ¹⁵ Там же. Л. 37 об.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 572. Л. 48.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 35 об. – 36.
- ¹⁸ Там же. Л. 31.
- ¹⁹ Там же. Оп. 16. Д. 7896. Л. 15–33 об.
- ²⁰ Там же. Оп. 16. Д. 7909. Л. 60–61 об.
- ²¹ Добrorольский С. К. Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение: по материалам Военно-исторического архива. М., 1929. С. 19.
- ²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 19–19 об.; Оп. 16. Д. 7902. Л. 14.
- ²³ См. подробнее: Preston A. Frustrated Great Gamesmanship. Sir Garnet Wolseley's Plans for War against Russia, 1873–1880 // *The International History Review*. 1980. Vol. 2. № 2. P. 261–264; Jelavich B. British Means of Offense against Russia in the Nineteenth Century // *Russian History*. 1974. Vol. 1. № 2. P. 125.
- ²⁴ Описание Русско-турецкой войны... Т. IX. Ч. 1. С. 486–487; Газенкамф М. [А.]. Указ. соч. 1-я паг., С. 534.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 3. Л. 386 об.
- ²⁶ Особое прибавление... Вып. III. Переписка Императора Александра II с главнокомандующими: вел[иким] кн[язем] Николаем Николаевичем и ген[ерал]-ад[ъютантом] Тотлебенем. СПб., 1899. С. 83.
- ²⁷ Особое прибавление... Вып. II. Очерк политических событий с 28 декабря 1877 г. по 15 апреля 1878 г. СПб., 1900. С. 4.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7893. Л. 121–121 об.; Газенкамф М. [А.]. Указ. соч. 1-я паг., С. 541–542.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7893. Л. 84.
- ³⁰ Газенкамф М. [А.]. Указ. соч. 1-я паг., С. 498, 510.
- ³¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7449. Л. 3–5.
- ³² Там же. Л. 2.
- ³³ Особое прибавление... Вып. II. С. 106–110.
- ³⁴ Милютин Д. А. Дневник. 1877–1878 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2009. С. 404–405.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7449. Л. 28–30.
- ³⁶ Милютин Д. А. Указ. соч. С. 399–400.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 51–61 об. Именно ее анализировал О. Р. Айрапетов в части, касающейся плана действий Юго-Западной армии.
- ³⁸ Милютин Д. А. Указ. соч. С. 399.
- ³⁹ Особое прибавление... Вып. III. С. 78–88.
- ⁴⁰ В 1878 г. территории и войска на восточном берегу Каспийского моря входили в состав Кавказского военного округа и образовывали его Закаспийский военный отдел.
- ⁴¹ См. подробнее: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сборник архивных документов / сост. Т. Н. Загородникова. М., 2014.

С. 89—94; Милотин Д. А. Указ. соч. С. 408—409, 411; Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-х гг.) Ташкент, 1969. С. 259—261.

⁴² «Индийский поход»... С. 95—100.

⁴³ Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-Теке в 1880—1881 гг.) с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб., 1899. С. 97.

⁴⁴ Загородникова Т. Н. «Индийский поход» русской армии и миссия генерала Н. Г. Столетова в Кабул // Восток. 2006. № 4. С. 21—36; Хидоятов Г. А. Указ. соч. С. 261—293.

⁴⁵ Кондратенко Р. В., Семечкин Л. П. Судьба теоретика крейсерской войны. СПб., 2003. С. 18—33; Strakhovsky L. I. Russia's Privateering Projects of 1878: A Page in the History of Russian-American Relations // The Journal of Modern History. 1935. Vol. 7. № 1. P. 22—40.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7897. Л. 4—5.

⁴⁷ Там же. Д. 7909. Л. 1.

⁴⁸ См. подробнее: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. С. 31—37. Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 64—71.

⁴⁹ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 326—328.